

Шульженко Г. А.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЕДИНИЦ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/108.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 258-260. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЕДИНИЦ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

*Шульженко Г. А.
Академия ФСБ РФ*

Настоящий этап в исследовании речевого этикета связан с прагматическим описанием его единиц с позиции теории речевых актов, которая исходит из рассмотрения общения как деятельности. В соответствии с этим положением базовыми единицами коммуникации являются не слова или предложения, а совершаемые с помощью языковых средств речевые действия - акты. Любой речевой акт как действие есть реализация некоторой цели говорящего (его интенции), в соответствии с которой производится отбор языковых средств для достижения поставленной коммуникативной задачи.

Интенцию можно рассматривать как разновидность желания, которое сформировалось на основе определенных целей и мотивов говорящего и для реализации которого носитель коммуникативного намерения предпринимает определенные шаги, используя определенные языковые средства. Введение понятия интенции в сферу лингвистического анализа позволяет систематизировать языковые средства, предназначенные для реализации той или иной разновидности коммуникативного намерения.

Понятие интенции связывается с достаточно крупными адресованными коммуникативными смыслами. Формановская Н. И. (1986) предлагает различать речевые интенции в контексте и интенции, отложившиеся в языке, т.е. интенциональный смысл, зависящий от контекста употребления, и интенциональную семантику, которая вычленяется в изолированном высказывании.

Особенность единиц речевого этикета в прагматическом плане заключается в том, что они представляют собой стереотипные языковые способы выражения интенционального смысла. В силу частотности, шаблонности ситуаций, в которых функционируют единицы речевого этикета, интенциональные смыслы оказываются тесно закрепленными за этикетными стереотипами и опознаются коммуникантами вне контекста. Вообще, интенциональный смысл есть результат взаимодействия инвариантной семантики (т.е. значение единицы, взятой вне коммуникативного намерения говорящего) и речевой, сиюминутной интенции адресата. Таким образом, он оказывается лишь опосредованно связанным с инвариантной семантикой. Но в формулах речевого этикета последняя оказывается типизированным способом выражения коммуникативного намерения говорящего. В этих стереотипах понятия интенционального смысла и инвариантной семантики совпадают, поэтому в случае единиц речевого этикета можно говорить об интенциональной семантике этих единиц [Формановская 1986].

По признаку общности интенциональной семантики единицы речевого этикета образуют коммуникативно-семантические группы - «системные смысловые образования тематически или синонимически связанных коммуникативных единиц языка, способных концентрировать и закреплять тот коммуникативно значимый смысл, который отражает речевые интенции говорящих» [Формановская 1986]. Общая интенциональная семантика есть некий инвариант значения, присущий всем конститuentам коммуникативно-семантической группы и являющийся общим выражением интенции говорящего, обозначением речевого акта.

Содержание конкретной единицы в коммуникативно-семантической группе представляет собой вариант интенционального значения, который возникает при выборе единицы в конкретном речевом акте в зависимости от обстановки общения и характера взаимоотношений коммуникантов при учете их социально-ролевых и личностных характеристик, в результате чего возникает социо-стилистическая дифференциация единиц в коммуникативно-семантической группе.

Способ выражения интенционального значения в стереотипах речевого этикета оказывает существенное влияние на выбор единицы в конкретной ситуации общения. В речи же под влиянием ситуативных факторов могут возникнуть добавочные речевые приращения смысла. Содержание единиц речевого этикета может обрести дополнительные прагматические и стилистические оттенки (типа значения сниженной категоричности в победительных высказываниях), которые являются модификацией коммуникативно-интенционального содержания указанных единиц.

Изучение функционирования в речи некоторой коммуникативно-семантической групп английских единиц речевого этикета позволяет сделать вывод о том, что конкретная, узкоспециализированная интенция говорящего изменяет инвариантное интенциональное значение, передаваемое единицами речевого этикета, и ведет к появлению речевых интенциональных вариантов, различающихся прагматическими оттенками своего содержания, своей информативностью. Так, при реализации интенции просьбы в общении наблюдается появление трех разновидностей интенциональных вариантов: иллокутивных, экспрессивных и иллокутивно-экспрессивных.

Иллокутивный вариант просьбы образуется в результате комбинирования в одном речевом акте собственно иллокутивной силы просьбы с другими иллокутивными силами, как побудительными (требование, распоряжение, предложение, приглашение), так и непобудительными (пожелание, наставление, поучение, замечание, упрек, предупреждение). Под влиянием этих вторичных иллокутивных сил происходит модификация иллокутивной силы просьбы в плане усиления или снижения ее интенсивности. На уровне конкретно-

го высказывания это проявляется как градация категоричности побуждения.

“Why don't you leave us for a moment? Sarah? (просьба-предложение) Ned and I'll discuss this together”
(Howatch. Cashelmarra).

Mrs. Conway: “Must you talk in that awful dry inhuman way? (просьба-упрек) I mean after all I've known you since you were a boy, and you're beginning to talk as if you'd never seen any of us before”

(Priestley. Time and the Conways).

Подобное взаимодополняющее сочетание нескольких иллокутивных сил возможно, как правило, в косвенных речевых актах, когда сам непрямой характер выражения интенции говорящего стимулирует образование дополнительных имплицитных смыслов в высказывании.

В прямых речевых актах просьбы, выраженных императивом, наблюдается обратный процесс: для обеспечения адекватной интерпретации речевого акта адресатом говорящий должен идентифицировать свое высказывание именно как просьбу, отграничив ее от других императивов, в английском языке, прежде всего, - от приказа. В этом случае иллокутивная сила просьбы манифестируется через включение в высказывание соответствующих маркеров вежливости.

“Look at that. Just look at that, will you?” Claude whispered

(Shaw. Rich man, Poor man).

Экспрессивные варианты просьбы обусловлены коннотативным приращением смысла, возникающим при употреблении этих единиц в речи, как в прямых, так и в косвенных речевых актах.

Содержание коннотаций весьма разнообразно и вряд ли поддается формальному исчислению. Однако, учитывая особенности побудительной ситуации, в которой функционируют речевые акты просьбы, можно определить основные направления возникновения и возможный характер коннотаций. Они группируются вокруг фактора адресата и межличностных отношений коммуникантов. В связи с этим можно выделить следующие разновидности коннотативных приращений смысла при употреблении единиц речевого этикета-просьб в речи:

А. Связанные с положением адресата в коммуникативном акте:

1) определяющие его отношение к своему коммуникативному намерению типа «нерешительная, осторожная, требовательная просьба»;

2) определяющие его отношение к желаемому действию типа «нетерпеливая, настойчивая просьба»;

3) определяющие его отношение к адресату. Коннотации, образующие данную группу, передают эмоционально-оценочную информацию, которая варьируется по шкале одобрение/неодобрение типа «восхищение или презрение, пренебрежение, насмешка». В данном случае имеется в виду оценка ситуативного характера, приписывание адресату говорящим положительных или отрицательных свойств в данной коммуникативной ситуации.

Б. Связанные с характером межличностных отношений коммуникантов.

Здесь говорящим с целью воздействия на адресата передается собственно эмоциональная информация как о конъюнктивных чувствах (любовь, радость), так и о дизъюнктивных (раздражение, обида, злость).

Mrs. Hewlett: “Can't you take a seat?” (раздраженная, нетерпеливая просьба)

(Travers. Plunder).

Разновидность просьбы, образующая ее иллокутивно-экспрессивный вариант, - мольба объединяет черты указанных выше групп. Возникновение этого варианта связано с модификацией условий успешности речевого акта просьбы. При этом изменение интенсивности выражения иллокутивной силы устойчиво сопровождается появлением определенных коннотаций.

Для мольбы характерно усиление условия искренности побудительного речевого акта: говорящий испытывает настоятельную необходимость в осуществлении действия адресатом. Чрезвычайно важную роль играют такие прагматические пресуппозиции, как нежелание адресата выполнить действие в интересах говорящего и наличие у последнего достаточно сильного мотива, чтобы попытаться склонить адресата к совершению данного действия, прибегая к различного рода тактическим приемам. Уже усиление условия искренности в данном варианте речевого акта просьбы обуславливает возможность появления соответствующих коннотаций. Кроме того, отказ адресата удовлетворить просьбу вызывает необходимость воздействовать на него со стороны говорящего, при этом объектом воздействия являются эмоции адресата. В этом случае и возникает мольба - страстная, горячая, униженная просьба.

Коннотативные приращения смысла в мольбе связаны также с выражением отношения говорящего к адресату: подчеркнуто униженное, почтительное. С точки зрения теории речевых актов коннотативная характеристика высказывания соотносится с характером перлокутивного эффекта, который намеревается достичь говорящий. В случае мольбы говорящий, воздействуя на чувства адресата, рассчитывает на возможность вызвать к себе сочувствие, разжалобить слушающего, и тем самым заставить его изменить отношение к высказанной просьбе.

Существование речевых вариантов говорит о прагматической гибкости единиц речевого этикета и их предназначенности для передачи имплицитных (иллокутивных и экспрессивных) смыслов. Очевидно, что эта причина наряду с фактором высокой степени стандартизованности единиц речевого этикета, объясняет их большой удельный вес в осуществлении вербального общения.

Указанные речевые варианты просьбы неустойчивы и обусловлены только прагматически. Для их выявления необходим учет экстра- и интралингвистического контекста их конкретного употребления. Одна и та

же форма может наполняться различными оттенками прагматического содержания. Так, например, единица *Why don't you do X?* может выступать как ненавязчивая просьба-предложение или как раздраженная, недовольная просьба-требование. Вместе с тем, предрасположенность к передаче того или иного имплицитного прагматического смысла заложена в интралингвистических особенностях (синтаксическая структура, семантическая модель, лексическое наполнение) самих единиц речевого этикета и актуализируется в определенном контексте.

Данные варианты просьбы, реализуемые единицами речевого этикета, представляют прежде всего различные формы выражения коммуникативного намерения говорящего. При осуществлении конкретного речевого акта говорящий производит выбор оптимального способа манифестации своей интенции в соответствии с особенностями коммуникативной ситуации. Регулятивная роль речевого этикета в общении состоит в том, что он выступает в качестве главного фактора, влияющего на этот выбор. Его воздействие проявляется в двух направлениях: с одной стороны, закрепляются конвенционализированные языковые способы реализации коммуникативного намерения говорящего в виде готовых, стандартизированных формул, клише, ритуализированных высказываний - единиц речевого этикета, обладающих ингерентной вежливостью, а с другой - говорящий, оставаясь в рамках речевого этикета, стремится к поиску оптимальных средств для воздействия на адресата, что влечет за собой модификацию прагматического содержания просьбы и возникновение соответствующих речевых вариантов.

Список использованной литературы

1. **Формановская Н. И.** Имплицитный и эксплицитный интенциональные смыслы высказывания // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл: Тезисы краевой науч. конф. - Красноярск, 1986.

ПРОСТОРЕЧИЕ XVIII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Щербакова Н. Н.

Омский государственный педагогический университет

Просторечная лексика XVIII века является одним из источников пополнения формирующегося в указанный период языка русской нации. Термин просторечие впервые появляется в научных лингвистических изысканиях в качестве антонима к термину красноречие. Оба термина при этом имеют прозрачную внутреннюю форму: просторечие - простая, т.е. не украшенная речь; красноречие - красная, т.е. красивая, украшенная речь. Однако, несмотря на эту прозрачность, термин с самого момента своего появления до наших дней соотносится с разными представлениями о его содержании. Однако общим остается представление о сниженном характере просторечных единиц. Эта сниженность связана с различными либо с эмоционально-оценочным характером слова, либо со словообразовательной моделью, по которой оно образовано. История развития просторечной лексики демонстрирует как пополнение литературного языка, его словарного запаса, за счет просторечных элементов, так и обратное явление: переход ряда образований из разряда нейтральных в стилистически окрашенные.

Причиной перехода просторечных образований в литературный язык может стать потребность в обозначении бытовых реалий: названий предметов домашнего обихода, музыкальных инструментов, построек и т.д. По этой причине из просторечия литературным языком были усвоены такие образования, как ведро, волынка - "музыкальный инструмент", глазунья, жгут, желудок, кочан, крыша, крышка, кулёк, лихорадка, лунка, люлька, подвязка, поделка и т. д.

О литературности этих слов говорит тот факт, что они не сопровождаются в четырехтомном "Словаре русского языка" и в "Словаре русского языка" С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой стилистическими пометами.

Примечательно то, что в составе подобной лексики доля существительных, называющих человека, незначительна (около 5 %), это, например, такие слова, как батрак, ведьма, ворожея. Человек представлен в данной группе слов глаголами, называющими его действия, и прилагательными, характеризующими его свойства: барабанить, воровать, жадный, жеманный, карабкаться, каяться, мчать, назойливый, намекать, неуклюжий, очнуться, пообедать, посолить, посмотреть, попрощаться, постараться, ютиться и т.д.

Значительная часть просторечной лексики была усвоена разговорной речью. С пометой разговорное в современных словарях фиксируются следующие образования, отмеченные словарями XVIII как просторечные: авось, ахинея, балагур, баламут, барин - "о высокомерном человеке", бедокур, белоручка, бестолковщина, бестолочь, бишь, болтать "много говорить", болтовня, болтун, болтушка (о человеке), брезговать, бука, буркнуть, буянить, верзила, вертушка (о человеке), верхогляд, взбалмошный, волокита - "любитель вложиться за женщинами", вольготный, вопить - "громко кричать", вояка, враль, втихомолку, городить - "говорить вздор", грамотей, грубиян, доконать, дотошный, егоза, замашка, избочениться, исподтишка, каверза, копошиться - "возиться с чем-либо", кромсать, куситься, кургузый, липнуть - "приставать", марать, маячить медведь - "о неуклюжем человеке", молокосос, морочить, мурлыкать - "тихо напевать", мямить, наверняка, несусветный, окоlesiца, перебиваться, передряга, пигалица, пиликать, пичкать, плутать, поделом, полоумный, попрошайка, пострел, потасовка, прикорнуть, приструнить, пройдоха, пыжиться, разбитной, разнохат, раскошелиться, растяпа, рифмач, ротозей, сброд, соня, спозаранку, судачить, тарарам, тараторить, ти-